

ПЕРЕПИСКА ПО ПОВОДУ И БЕЗ... ●●●●●

Стоит ли вызывать на дуэль?

Уважаемая редакция!

В «ЛГ», № 1 за 1988 год в статье Станислава Рассадина «Хочу хохотать...» напечатано следующее: «...композитор Александр Журбин полюбил являться на телеэкране во главе семейного певческого трио — и, кажется, пусть себе, жалко, что ли, даром, что поют неумело и отчаянно безголосо, а не, и тут непрошено лезет в голову, избыточно обремененную общежитейскими представлениями, как подобные дела делаются...»

Полностью оставляю на совести критика то, что ему не понравились наши выступления, ну, не понравились, и ладно, пусть себе, жалко, что ли, даром что критик хоть и не музыкальный, но имеет право высказываться по любым вопросам. Не понравились — и ладно. Я знаю, что многим наше семейное трио пришлось по вкусу. Но речь о другом. С. Рассадин совершенно недвусмысленно намекает на какие-то неблагоприятные с моей стороны, а может, даже и противозаконные поступки — «дела», как говорится, «шьет дело». Хотелось бы знать, какие основания есть у критика, который гордо называет себя «шестидесятником», на то, чтобы абсолютно бездоказательно, в духе тридцатых годов, клеветать и порочить мое имя.

В былые времена за это вызывали на дуэль.

С уважением
композитор Александр ЖУРБИН

Прекрасно, что у нас утверждается право каждого иметь и высказывать любую точку зрения, пусть даже и расходящуюся с общепринятой. Разное отношение к себе вызывает и существующая на ТВ почти десять лет развлекательная передача «Вокруг смеха». Слов нет, в ее

многолетней истории были разные страницы. Некоторые выпуски меня огорчали, другие — радовали. Были просчеты, вальность, необязательные проходные номера. Вполне можно допустить, что не всем по душе ведущий...

Лично я никогда не был склонен переоценивать программу. Хотя, скажем, наша последняя премьера — 31 декабря — показалась мне удачной. Я только против огульного, безапелляционного, бездоказательного оплевывания.

Вот что написал недавно уважаемый мною критик Станислав Рассадин: «Вокруг смеха» — ну, тут чуть ли не все горестно и сердито единодушно, а я, признаться, с самого начала недолюбливал передачу. Из-за ее бенефисности, самоуважительности ведущего и за то, что она культивировала странное существо, которое у нас получило двусмысленное определение «писатель-сатирик». Поэт? Прозаик? Драматург? Нет, разве что всего понемножку — «сатирик». Что, в общем, не совсем в духе русской литературы: не унижим ли мы столь однозначным именем Зоценко? Булгакова? Сухово-Кобылина? Не говоря о Гоголе...»

Принимать или не принимать передачу или любого ее участника — личное дело каждого зрителя, и критика в том числе. Как говорится, имеет полное право. Хотя

я всегда был сторонником простого принципа: не нравится — не смотри.

Неприятно резанули слова: «тут чуть ли не все горестно и сердито единодушно». Хочется спросить Станислава Борисовича: среди каких групп населения проводился опрос? Кем? Организации типа Института Галлапа у нас ведь пока нет. Значит, своими силами? Ограничился ли опрос пределами собственной семьи и кругом друзей? Или был шире — среди членов творческого объединения критиков и литературоведов Московской писательской организации? Распространился ли он на страны, принимающие первую программу Центрального телевидения?

Я, например, очень много езжу по нашей стране. И везде ко мне подходят люди, для которых «Вокруг смеха» — одна из любимых передач. Ее ждут и смотрят. Слова благодарности я всегда принимаю со смущением — над программой работает небольшая, но постоянная группа плюс сформировавшийся творческий актив. Есть, разумеется, люди, которые равнодушны и даже не приемлют... Иначе и быть не может. Но я бы поостерегся вот так — припечатал, и точка.

Что касается жанрового определения... Да, у нас утвердилось УСЛОВНОЕ обозначение — «писатель-сатирик». Есть внутри и подвиды: я, скажем, — пародист и эпиграмматист, мои друзья М. Жванецкий, С. Альтов, Е. Смолин, М. Задорнов, М. Мишин, М. Горюхицкий, Б. Розин — эстрадные драматурги. Никто же не удивляется, что есть такая разновидность литературного труда — не поэт, не прозаик, не драматург, а критик... А что касается круга великих имен, куда вполне можно включить и В. Г. Белинского, то не надо нас с ними сравнивать. Нам до них далеко.

Александр ИВАНОВ

Итак, кажется, я достучался: композитор Журбин шлет мне как бы «короткий вызов», или *картель*. Жду, стало быть, секунданта. Впрочем, пока они добираться городским транспортом, у меня, может быть, достанет времени испуганно оправдаться.

О чем я писал? О том, что ТВ — искусство по природе своей демократическое и уж во всяком случае обязано подтверждать свою непричастность к недемократическому, «элитарному» делу прав и привилегий, включая — да, да! — право претендовать на внимание зрителей. Хотя бы и для того, чтобы не смущать нашу социальную память, уже донельзя, до отвращения обремененную, как сказано, «общежитейскими» (подчеркиваю: *обще...*) представлениями, как эти права делятся и приобретаются.

А тут... Со всей искренностью зову композитора стать, вернее, сесть на мое место. Вот оно. Вижу — не впервые — «семейное певческое трио». Слушаю музыку, которая мне, по правде... однако стоп: я и впрямь не музыкальный критик. И писана музыка на текст (тут-то я, приободрившись, кажется, могу уверенно судить и легко доказать) до крайности примитивный, зато принадлежащий, как мне специально объявлено, супруге композитора Ирине Грицковой. Наконец, поют они... но о качестве пения, как говорится, см. выше. Так я ли, скажите, виноват, что в земную, грешную мою голову лезут неподобающие подозрения? Я ль породил этот стереотип агрессивной семейственности?

Только и всего. А чтоб я предполагал наличие неких деловых усилий с личной стороны композитора Журбина... Да бже меня сохрани!

С «трио», надеюсь, я разобьяснил. Что ж до взаимно уважаемого мною

Александра Александровича Иванова, здесь я в тупике озадаченности. Ну, музыкантам, сынам, так сказать, гармонии, им, вероятно, свойственно обитать в мире своих сладчайших созвучий, в отрыве от бедной повседневности, — вот эмоциональному композитору и помстилось страшное сходство скептического отношения к певческим достоинствам домашнего трио с репрессивной критикой тридцатых годов, — но Вы-то, А. А., профессионал слова, неужто вправду увидели в статье не обиду, не боль, но — «оплевывание»?

Каждый из нас — сам себе социолог, всю жизнь проводящий опросы, и мой круг знакомых, уж верьте или не верьте, сложился так, что не пришлось мне слышать похвал Вашей телепередаче. (Мой, не более, как и статья моя, и мысли в ней мои, — что у Вас все иначе, охотно верю, тем более что вот и наше трио, оказывается, пользуется успехом в недоступных мне сферах.) Пародии Ваши, бывало, хвалили; передачу — режьте, не упомяну. Главное, отмечали то же, в общем, что и я. Например, «бенефисность» или, если угодно, центристичность к личности и роли ведущего, чему последний отнюдь не противится, — и знаете ли, А. А., чем это, помимо «самоуважительности», худо? Тем, что, хочешь не хочешь, определяет отбор участвующих. И жестко определяет. Как ни оценивай Ваши пародии, они ведь дело внутрилитературное, обличительная их сила косвенная и относительная (что, понятно, пародии как таковой еще не укор), и, превращаясь словно бы в камертон передачи, они обозначали ее потолок, возводили стенки, за которыми — даже в годы, которые мы именуем застойными, все-таки существовал истинно художественный, свободный, злой, горький, случалось, и сокрушительный смех. Назвать ли прозу Искандера? Можавова? Стругацких? Комедии Володина? Зорина?... Но, как вижу, у Вас иной список.

Плохой? Да ни в коем случае! Печальные мои слова о том существе, которое стало называться «сатирик» (сатирик — и все тут!), никого не клеймят. Вообще говорю не о провинностях, а о беде. Общей. Нашей. Многолетние гонения на сатиру не могли не иметь разрушительных последствий, и разве не горько, что мы, как-никак соотечественники и почти современники Булгакова, Платонова, Зоценко, Эрдмана (кстати, а почему, А. А., Вы так не хотите, чтоб «вас» с ними сравнивали? По-моему, зря), готовы почтительно называть сатирой сочинения вполне «маловысокохудожественные», по зоценковскому словцу, лишь бы они содержали пару тройку «острых» фраз? Нищенские требования, скудные результаты, и вольно Вам, А. А., не печалиться, не обращаться, по Шекспиру, глаза в собственную душу, но обижаться и переходить в атаку...

Между прочим, и обид, и атак не две. Три. Обиделась еще и программа «Взгляд» — на те строки статьи, где с мягкой укоризной говорилось, что не совсем вроде бы деликатно смаковать перед нами заморский кофе с невиданной наклейкой. Юные и симпатичные ведущие саркастически отпаривали укажите, мол, все дефицитные продукты, каковые нам нельзя употреблять перед телекамерой.

Мог бы, дело нетрудное, разве что со счету собьешься. Но не стану. Я-то еще москвич, а вот если б вы, дорогие ведущие, обратились с этой просьбой к своим инородным зрителям, полагаю, их ответ был бы куда более исчерпывающим. А вам, боюсь, стало бы неуютно — впрочем, зато уж навсегда понятно: пресловутый демократизм ТВ, пресловутая — и непреломная — его щепетильность не выдумка критиков. Как щепетильность и демократичность вообще.

Станислав РАССАДИН

289